

СТРЭЙТ-ЭДЖ

движение, прошедшее путь от «незначительной угрозы», и ставшее сейчас консервативным, конформистским и не представляющим никакой угрозы

Я такой же человек, как ты, но у меня есть занятия по-лучше, / чем сидеть и «дуть», потому что я знаю, что мне это не нужно. / Я смеюсь над мыслью глотать таб-летки, я смеюсь над мыслью нюхать клей, / хочу всег-да быть в теме и не хочу становиться инвалидом. / Я провел четкую грань!..²³³

В 1981 году увидела свет песня вашингтонской группы Minor Threat, положившая начало целому движению внутри панк-сцены. С намерением распространять позитивное и личное послание стрэйт-эдж движение (названное так по одноименной песне) быстро добралось до Бостона и большей части Восточного Побережья США. Собственно послание было простым: для того, чтобы хорошо проводить время, нет необходимости пить алкогольные напитки, курить или употреблять наркотики, изменяющие сознание. Стрэйт-эдж быстро распространился в среде подростков из пригородов, которые чувствовали давление со стороны своих ровесников, побуждавших их пить и т.д., но отказывались этому поддаваться. Такие группы, как мега-позитивные 7 Seconds из Невады, SSD и DYS из Бостона и Negros из Мичигана, были одними из первых, кто воспринял идеи, выдвигавшиеся на расцветающей вашингтонской сцене. К тому же Minor Threat и их лейбл горели желанием помочь в выпуске и распространении записей этих групп.

Местные панк-сцены быстро стали более ориентированы на молодежь, и концерты переместились из клубов и баров, зависевших от продажи алкоголя, в снимаемые залы и залы V.F.W. Стрэйт-эдж вернул группы и их тексты на более личный уровень и оказал многим ребятам поддержку в отказе от наркотиков перед лицом давления сверстников. Когда я сам был подростком, я просто сходил с ума от мощнейших живых выступлений DYS, Verbal Assault, и готов был потратить несколько часов на дорогу, чтобы потом отрываться на концертах 7 Seconds по всему Восточному Побережью. То, что предлагали эти группы, было одновременно жесткой альтернативой и обычному обществу, и английскому «алко-панку» («drunk punk»), с которым мы не могли себя соотнести. Все стрэйт-эдж хардкор-группы первой волны и многие группы второй волны устраивали полные энергии живые выступления вне баров, которые являлись главными площадками для выступлений в скучном рок-н-роллинге мире. Новая сила и убежденность этой музыки вернули к жизни панк-сцену, в которой начинался застой из-за политиканства и отношения к панку, как просто возможности оттянуться. Идея Яна МакКея (Ian MacKaye), автора текстов и вокалиста группы Minor Threat, — «контролировать вещи и не позволять им контролировать себя»²³⁴ — как эхо прокатилась по американскому панк-сообществу и в итоге получила распространение даже в таких далеких от Вашингтона местах, как Калифорния (в период с 1984 по 1988 год там появилось немало стрэйт-эдж групп, например, Uniform Choice, Instead и др.)²³⁵ и Европа, где стрэйт-эдж стал набирать обороты года с 1988.

Аудитория, привлеченная к панку средствами массовой информации в середине 80-х, не обращала особого внимания на стрэйт-эдж, в результате чего движение медленно начало терять свою силу на общенациональной сцене. Большинство людей, стоявших у истоков, стали либо играть музыку другого

плана (медленный хард-рок или альтернативный поп а-ля U2), либо начали пить-курить, когда повзрослели.²³⁶ В свое время влиятельная стрэйт-эдж сцена уступила дорогу жестокому и невежественному поколению панков, появление которого было спровоцировано СМИ. Комментируя положение в сцене в 1985 году, МакКей сказал.: «Я не чувствую, что сейчас в панк-сцене так уж много смысла. Складывается впечатление, будто все здесь только, чтобы повеселиться и потусоваться... Для этого мне не нужно ходить на панк-концерты. Я хочу что-то делать, развивать свои мозги и делать это в определенном направлении... Мне нужна цель. Я хочу, чтобы моя жизнь имела значение — для меня, для чего-то. Я здесь не для того, чтобы просто хорошо провести время»²³⁷.

МакКей действительно вырос и в музыкальном, и в философском плане с 1981 года, и его группы по-прежнему вдохновляют тысячи людей. Если вы хотите узнать подробной о вашингтонской сцене, ее истории и людях, игравших в ней важную роль, читайте книгу Марка Андерсона «Танец дней: вашингтонский панк 1975-95»²³⁸ (МакКею, наряду с Bad Brains и другими отведено центральное место). Книга в самом благоприятном свете представляет шаг за шагом историю вашингтонской стрэйт-эдж сцены.

МакКей со своей группой Fugazi по-прежнему остается активным и в политической, и в социальной сферах, и, несмотря на то что не пьет, не курит и даже не ест мяса (впоследствии вегетарианство многими стало восприниматься как неотъемлемая часть стрэйт-эджерства), больше не желает пропагандировать стрэйт-эдж и даже просто называть себя частью этого движения. Это нежелание навешивать на себя ярлык стрэйт-эджера отчасти связано с тем, как его послание было извращено и принято новой волной молодежи. На невежество середины 80-х

стрэйт-эдж ответил движением ограниченных, нетерпимых ребят, которые осуждали панк и многие его идеи.

«Многие группы говорят, что мы оказали на них влияние, но они так озабочены вбиванием всех этих идей людям в мозги, что я хочу им сказать — по-моему, вы реально упустили суть»²³⁹. Если стрэйт-эдж изначально появился, чтобы помочь ребятам думать самостоятельно и быть самими собой, то сегодняшнее стрэйт-эдж движение действительно упустило суть. Конец 80-х и настоящее время стали свидетелями огромного роста популярности стрэйт-эдж хардкора. В последние несколько лет новые группы и их поклонники стали более реакционными и конформистски настроенными, большее распространение получили мачо-принципы. Группы копируют как музыку ранних коллективов, так и оформление пластинок, типичные прически (максимально нормальные и приемлемые) и одежду (спортивные шмотки). В результате пропаганды пуританских идей, да еще и с таким напором, стрэйт-эдж превратился в массу молодых людей с белым цветом кожи, из среднего класса, которые не особо интересуются восстанием или радикальными политическими идеями.

Стрэйт-эдж панки выглядят скорее как школьные спортивные звезды, а не как обычно представляют себе панков. Многие стрэйт-эдждеры отрицают панк из-за его негативного имиджа и сейчас фактически создали свою субкультуру внутри контр-культуры. То, что начиналось как возможность сделать панк лучше и преодолеть давление сверстников, превратилось в сцену самодовольства и ограниченности.

Часто стрэйт-эдждеры критикуют панков, не являющихся стрэйт-эдждерами. Как написал какой-то человек в своем письме в «МаксимумРокнролл» о панках, пьющих пиво: «Вы отдаете свои

деньги корпорациям, которые убивают людей, загрязняют планету, проводят тесты на животных, делают сексистскую рекламу, разрушают семьи, приводят к вождению в нетрезвом виде, алкоголизму и несут ответственность за жестокое обращение с детьми, изнасилования и убийства, потому что люди были в состоянии опьянения и т.п. Как можно быть политически корректным, не будучи стрэйт-эджером? Это не имеет смысла»²⁴⁰. Конечно, анти-сексисту не имеет особого смысла поддерживать пивоваренные компании, использующие сексистскую рекламу (из-за этого, а также потому, что большие компании делают дерьмовое пиво, многие панки сейчас заинтересовались возможностью домашнего производства пива), или сознательно поддерживать другие названные вещи (если есть такие, кто действительно верит, что за этими несчастьями стоят компании, производящие алкоголь, и их продукция, а не сами люди).

Тем не менее, пусть человек, написавший это письмо, и показывает, что хотя для того, чтобы быть «политически корректным», надо быть стрэйт-эджером, сам факт того, что ты стрэйт-эджер, еще не гарантирует корректности. «Вы, грязные и прожорливые ублюдки, своим грязным образом жизни вы заслуживаете СПИД, это ваша вина! ... Я ничего не имею против гомосексуалистов как людей, но я презираю акт гомосексуальности. Так же, как я ненавижу курение, но не курящего. Я не гомофоб»²⁴¹. Стрэйт-эдж стал, (во многом, как и скинхед-движение) каналом проникновения в панк-сцену гомофобии и мейнстримовых мачо-принципов. Поскольку невозможно и нелогично осуждать тех, кто решил не пить, необходимо осудить тех, кто решил не думать.

Может показаться нечестным клеймить стрэйт-эдж и рассматривать его в таком негативном свете. Намерения и изначальные действия движения были, конечно, полны добрых идей и какое-то время были успешными. Несмотря на это, сегодня,

вместо попыток изменить панк-рок к лучшему, стрэйт-эдгеры создали свою собственную сцену, которой самой не мешало бы стать получше. Наиболее видимым этот раскол стал в городах вроде Бостона и Нью-Йорка, где стрэйт-эдж стал просто анти-панком. Даже в Калифорнии, на родине вечеринок, стрэйт-эдж концерты проводятся в местах, ориентированных на зарабатывание денег, в то время как панк-группам значительно труднее пробить себе концерт или продавать записи. Возможно, самый крупный раскол и самое абсурдное разногласие (с панком) вызвано тем, что стрэйт-эдж молодежь открыла для себя религию и «подалась в кришнаиты»²⁴².

Самой популярной и влиятельной из стрэйт-эдж команд второй волны были Youth of Today из Нью-Йорка. Их вокалист Рэй Каппо (Ray Cappo) превратился из спортивного паренька с короткой стрижкой в яркого кришнаита. Рэй говорит, что «единственная возможность продолжить развитие за рамками стрэйт-эджерства заключается в принятии сознания Кришны»²⁴³. Частично под влиянием его религиозных идей стрэйт-эдж принципы «ничего опьяняющего» и «нет беспорядочному сексу» были расширены дополнительным — «нет мясной пище».

Молодые люди слепо подражали Youth of Today, и когда Рей стал кришнаитом, многие последовали его примеру. Сейчас нередко можно встретить кришнаитские стрэйт-эдж группы и записи. Кришнаиты и мечтать не могли о лучшем представителе для вербовки новых последователей. Это направление резко контрастирует с панковским отрицанием организованной религии (особенно культов) как подавляющей, уводящей от реальной жизни, анти-индивидуалистической и откровенно глупой фигни.

Тем не менее, много стрэйт-эджеров называют себя так и в то же время считают себя панками. Эти люди продолжают идти

в русле изначальных целей и, хотя часто стремятся «к старым добрым временам», остаются конструктивной и желанной частью панк-движения. Как и в случае со скинхедами, существует спектр людей, который включает радикальных стрэйт-эджпанков, геев, женщин...

В первом издании этой книги я с неохотой упомянул крошечную хардлайн-сцену. Тогда она была ограничена несколькими группами с несколькими релизами и очень небольшим числом последователей. Я сделал это только с целью показать идиотизм этого движения и его намерений. С тех пор оно показательно выросло за счет говеной метал-команды Earth Crisis. В то время как я аплодирую группе за их поддержку прав животных и политических акций в духе Earth First!, над очевидно реакционным, пуританским дерьмом, пропагандируемым ими, можно только посмеяться. Предшественником этих ребят и многих, на кого они оказали влияние, была группа из Южной Калифорнии Vegan Reich (постарайтесь не смеяться над названием). Vegan Reich вместе со своим лейблом No Master's Voice стали довольно популярны в сцене, несмотря на свои очень противоречивые убеждения, среди которых были веганство, прекращение экспериментов над животными и в конечном счете мирное анархистское общество. В то же время у них были и вопиюще сексистские, гомофобские и тоталитарные взгляды.

Относительно женщин: «Я считаю женщину совершенно равной мужчине, и в борьбе, и в отношениях и т.д. Тем не менее, я не думаю, что мы одинаковы»²⁴⁴. Вполне приличное высказывание, если различия, которые он указывает, не использовать для оправдания своих сексистских убеждений. Так как он не считает женщину «одинаковой» с мужчиной, он опускает феминисток(ов), «которые пытаются отрицать predeterminedные природой роли и разрушают структуру семьи»²⁴⁵. Ясно, что

поддержка этих ролей никоим образом не соотносится с панковскими представлениями о равенстве. Это исключительно сексистская идея, которая может легко оправдывать господство над женщинами. Эко-феминистки(ты) и другие заметили бы очевидное противоречие между освобождением природы от эксплуатации и ограничением женщин их «предопределенными природой ролями».

Относительно гомосексуализма: «С естественной и моральной точки зрения на жизнь, гомосексуализм может рассматриваться как ничто иное, как отклонение от природы. И, как и против любых других отклонений от природы, приведших наш мир к тому ужасному состоянию, в каком он находится, против этого надо открыто высказываться и бороться»²⁴⁶. В такое невежественное высказывание даже нет смысла вчитываться.

И, наконец, самое анти-панковское: «Мы верим в анархизм, как высшую цель, но понимаем, что на данный момент в мире слишком много людей слабых и неспособных противостоять гедонизму. Поэтому первой ступенью будет диктатура Веганов, которые помогут ускорить естественный эволюционный процесс посредством обучения тех, кто может, и уничтожения безнадежных...»²⁴⁷. Диктатура, массовые убийства и фашизм — не очень-то по-панковски, да и большинство стрэйт-эджеров это не поддерживают. Сам факт того, что у таких нелепых мыслей находятся слушатели, говорит нечто нехорошее о стрэйт-эдж сцене.

Важно понять, что стрэйт-эдж является хорошей концепцией с положительной целью. За ним не стояло желания отнять чью-либо свободу. Стрэйт-эдж был реакцией на постоянное давление со стороны сверстников, побуждавших делать то, чего кому-то не хотелось. Эта идея сохранила для панк-концер-

тов многие места, которые в противном случае закрылись бы из-за насилия и вандализма, вызванных наркотиками.

Действительно, главной причиной, по которой закрываются панк-клубы и сквоты, часто являются наркотики и алкоголь. Сегодняшнее направление стрэйт-эджа заключается в отделении себя от панка и создании некоторых очень значимых отличий. Если движение продолжится в том же направлении и произойдет еще больший раскол, то панк и стрэйт-эдж станут совсем несовместимы. Для детального рассмотрения мира стрэйт-эджа обратитесь к книге «Для любого возраста: размышления о стрэйт-эдже»²⁴⁸, выпущенной стрэйт-эдж лейблом Revelation Records.²⁴⁹ Там есть все, что вам надо знать об этой процветающей культуре (по крайней мере, до тех пор, пока вам не исполнится 21 год)²⁵⁰.

DIY

«Движущей силой самых искренних устремлений в панке является этика DIY — Do It Yourself (Сделай сам). Нам не нужно полагаться на богатых дельцов, устраивая свое веселье ради их выгоды — мы можем организовать его сами и не ради денег. Мы, панки, сами можем устраивать концерты, проводить демонстрации и участвовать в них, выпускать записи, издавать книги и фэнзины, организовывать системы дистрибуции своей продукции, открывать музыкальные магазины, распространять литературу, устраивать бойкоты, заниматься политической деятельностью. Мы делаем все это и делаем отлично. Какая другая молодежная контркультура 80-х — 90-х может похвастать тем же?»²⁵¹.

Лучшие примеры деловой активности в панк-движении видны при взгляде на его музыкальную сторону. Панк-рок отличается от стандартного рок-н-ролла не только звуком, содержанием песен и стилем исполнения, но также тем, как группы ведут свои дела и общаются с публикой. В панк-движении не существует культа «рок-звезд», и группы, желающие получать большие суммы денег за свои концерты и записи, постоянно критикуются и изобличаются. Такая позиция восходит к появлению панка, когда движение было малочисленно, и мысль заработать много денег на музыке казалась нелепой, несбыточной мечтой. Члены групп не отличались от публики ни убеждениями, ни, зачастую, мастерством. Панк-рок группы «подталкивали других людей к созданию своих собственных групп — это было попыткой разрушить традиционный барьер между исполнителем и публикой. Любой мог быть звездой, и

никто ею не был²⁵². Все, что нужно было для создания панк-группы — это аппаратура и желание.

Панк-команды традиционно помогают друг другу устраивать концерты в других городах, организовывать туры, выпускать записи и т.д. Здесь фактически не существует конкуренции, за исключением некоторых групп, которые регулярно «продаются», чтобы получить больше денег и привлечь больше публики. Панк-группы стремятся играть концерты только друг с другом, потому что имеют сходные представления о сотрудничестве и не стремятся к конкуренции, что так распространено в музыкальном бизнесе. Голландская панк-группа The Ex дает описание одного из своих обычных концертов, где «нет заморочек по поводу «главных» и «разогревающих» команд, потому что каждая группа одинаково важна. Все приходят на помощь друг другу, если нужно одолжить аппаратуру, и честно распределяют деньги. Все это звучит очень просто и естественно, но в рок-культуре такая позиция кажется чем-то ш ряда вон выходящим. Вот почему мы ненавидим рок-звезд, особенно (альтернативных)²⁵³.

Такие альтернативные рок-звезды — это группы или члены групп, у которых когда-то были идеи, близкие к панку или которые сами были панками. Их преступление обычно заключается в переходе с маленького независимого лейбла на крупную корпоративную звукозаписывающую компанию (CBS, EMI, Epic и т.д.), чтобы получить больше денег и фэнов. Многие из этих групп думают, что цель (привлечение большей аудитории) оправдывает средства (превращение в часть мэйджор-лейбла). Эта мысль часто отвергается и осуждается.

«Я слишком часто слышал, как бунтарские группы извинялись за свое сотрудничество с лейблами из большого шоу-бизнеса,

говоря «мы хотим донести свою идею до большего числа людей». Мне было бы интересно узнать, что они хотят донести и до кого. Обращение восстания в наличные настолько выхолащивает содержание того, о чем они говорят, что я не считаю, что они говорят что-либо вообще. По крайней мере, звезды, которые торгуют говном и только говном, не скрывают того, что они делают это ради денег. Но когда участие в этом ради денег выдается за политику, я чувствую, что меня обманули дважды»²⁵⁴.

Может ли группа по-настоящему придерживаться радикальной, бескомпромиссной политической позиции, работая на мэйджор-лейбл, целью которого является продажа записей массовой аудитории? Даже если политизированная группа, сможет игнорировать коллег по мэйджор-лейблу (как правило, безмозглую попсу или сексистский рок) и факт того, что большинство лейблов вкладывают деньги в другие предприятия («EMI Records» во время панк-взрыва в Великобритании принадлежала одному из ведущих производителей оружия), тем не менее, остается проблема цензуры любых посланий, которые могли бы повредить продаже записи.

«Любой артист, преданный своему делу, таит в себе угрозу капиталистическому обществу, если только его преданность не распространяется на систему и на собственный успех в рамках этой системы. Кроме того, радикальный музыкальный деятель, искренне желающий использовать каналы передачи информации, предоставляемые музыкальной индустрией, сталкивается с гораздо большим количеством трудностей, чем другие исполнители. Музыкальный бизнес хочет заработать деньги на радикальной риторике, но когда радикализм переходит в состояние политической активности, такие компании как EMI, BBC и IPC охватывает явное чувство беспокойства»²⁵⁵.

Многие из первых панк-групп середины 70-х позже подписывали контракты с мэйджор-лейблами и использовались ими. Только представители первой волны британского анархо-панка и калифорнийского шска п;1чал;1 1980-х поняли, что возможно делать записи самостоятельно. Таким образом, можно назначать свои собственные цены, писать собственные тексты песен и играть ту музыку, которая важна для тебя, бсм каких-либо компромиссов. «Эта новая волна анархистского политизированного панк-рока пр<л(мрала мэйджор-лейблы и весь «официальный» музыкальный бизнес. Они отказывались играть по общим правилам. Эти группы твердо придерживались панк-идеалов независимости и направленности против истеблишмента»²⁵⁶.

Важно понимать, что в то время как в прошлом в Северной Америке у и. чнкп не было очень большой аудитории, успех некоторых английских панк-групп (главным образом, Sex Pistols и The Clash) заставил мэйджор-лейблы пытаться заполучить как можно больше «бунтарских» панк-групп, чтобы превратить панк-течение в деньги. Многим английским группам, включая Crass и Conflict, «EMI» предложил большие контракты. Эти группы отказались идти на компромисс. «Их музыка и политические убеждения значили для них больше, чем деньги. Они не сделали свое восстание товаром массового потребления»²⁵⁷. Исключением является анархистская панк-группа (сейчас играющая радикальное диско) Chumbawamba, которая недавно подписала контракт с мэйджором на сном новые релизы и, возможно, на прошлые записи. Лишь время покажет, что они выберут: остаться на острие радикализма или скатиться в пустоту монотонной танцевальной музыки.

Работая на мэйджор-лейбл и предоставляя ему права на продажу песен группы, оформление, корректировку текстов и создание имиджа, группа ставит коммерческий успех выше

творчества и идей. С тех пор как эта книга вышла в 1992 году, Chumbawamba подписала контракт с мэйджором «EMI», подвергающий их тексты цензуре, и позволяющий лейблу делать абсолютно все, чтобы коммерческий успех перекрыл их политическое содержание. Все те, кто говорят, что Chumba «продалась», полностью правы. Chumba давным-давно перестала быть панк-группой и опровергла многое из того, что она сама говорила о политике независимой музыки. Но продавшись (даже если это было ошибкой), Chumba получила возможность не испытывать проблем как музыкантам и жертвовать огромные суммы денег на радикальные проекты. Если опустить размытость идей, и все связанные с ней противоречия, то группа, возможно, делает для анархистской политики больше, чем все ее критики, вместе взятые. Скорей всего Chumba будет продолжать поддерживать радикальную политическую сцену и оставаться ее частью, несмотря на последовательную атаку со стороны своих товарищей революционеров. Блюстителям чистоты движения классовой борьбы и тем, кто хотел бы почитать здоровую критику группы и их зачастую колеблющейся позиции, могу порекомендовать памфлет «Кого и чему вы пытаетесь научить»²⁵⁸. Это довольно-таки суровая проверка реальностью, содержащая вполне заслуженную атаку, направленную на группу и ее слепых последователей.

До недавнего времени лишь немногие американские группы были мишенью для мэйджор-лейблов, и, как результат, буквально тысячи независимых лейблов действуют по всей стране. Наряду с подпольными DIY-лейблам существуют множество так называемых «независимых» лейблов, являющихся, на самом деле, прикрытием для крупных компаний, целью которых является производство «альтернативной» музыки для колледжей и модных радиостанций. Искусственно создавая «независимые лейблы» и принуждая их подписывать контракты с большим

количеством панк и альтернативных групп, мейджоры пытаются нагреть руки как на независимо мыслящих группах, так и на их слушателях. Кроме этих «независимых», многие группы сделали прыжок прямо на мейджор-лейблы. Это происходит из-за возможности повсеместной раскрутки и больших тиражей, которыми расходуется мейнстримовая продукция. Green Day, Bad Religion, Rancid, Jawbreaker, различные «грандж» группы, Offspring, Helmet и другие сделали быстрые и энергичные риффы панк-музыки доступными массам посредством ротации на радио и стадионных концертов. Их звук уже, как можно слышать, повлиял на новые поп и мейнстримовые группы, которые понятия не имеют (да им и не важно) о панк-корнях и истории вышеупомянутых групп. Пока эта тенденция служит для развлекательного радиопрослушивания, я думаю, что люди, потребляющие эту «новую» музыку (впрочем, совсем не новую, поскольку все эти группы имеют продолжительную историю и множество андеграундных релизов) не имеют ни малейшего представления о радикальной природе этих групп и их корнях. До сих пор существуют группы, продолжающие придерживаться андеграундных, по-настоящему независимых способов записи, выпуска альбомов и организации концертов. Наиболее блестящим примером того, как сохранять независимость и оставаться верным своим идеалам, продавая все больше и больше записей, является группа Fugazi из Вашингтона.

Fugazi — это нападение на рок-н-ролл в лучших панк-традициях. Панк-революция разразилась из отвращения к жалкому состоянию рок-н-ролла. Проще говоря, рок стал, большим бизнесом, корпоративным капитализмом в действии, поднявшим потребление на пугающий уровень. Ирония леворадикальных, антикорпоративных исполнителей вроде Билли Брегга, The Clash, Midnight Oil и др., критикующих господство корпораций в нашем мире, но в то же время работающих на мегакорпорации, кото-

рые производят, распространяют и продают их записи, не коснулась Fugazi. Они отклонили многочисленные предложения мейджор-лейблов, поклявшись никогда не попадаться на крючок корпоративной жадности. Вместо привычных выступлений в клубах, они играли в подвалах церквей, общественных центрах, институтах и даже Лортонской тюрьме. Ни на одном из их концертов в Соединенных Штатах билет не стоил более шести долларов, и ни разу не было ограничений по возрасту — нечто неслыханное в рок-мире, где билеты на концерт группы уровня Fugazi стоят как минимум 15 долларов, и где фактически все группы играют в барах, куда не допускаются молодежь люди 18-21 года»²⁵⁹.

Fugazi были, конечно, не первой DIY-группой. У панк-групп почти нет менеджеров и до последнего времени почти не существовало контрактов на выпуск записей и концерты. Записи стоят гораздо дешевле средних цен и их можно приобрести непосредственно у самих групп или в нескольких магазинах. Влиятельная анархистская группа Crass стала, по всей видимости, первой продавать свои записи дешево и даже помогать записываться другим группам на заработанные деньги. «Crass вели дела самостоятельно на самодостаточной основе, организуя свои туры, записи и дистрибуцию. Единственной их заботой было заработать достаточно денег, чтобы жить, не нуждаясь в хит-парадах и в выступлениях на больших стадионах»²⁶⁰.

Надо заметить, что почти не существует панк-групп, которые могли бы жить на доход от своей музыки, и мысль заработать кучу денег на панке (не эксплуатируя его) не является особо популярной и вообще осуществимой. Это, конечно же, создает проблемы для каждого, кто хочет иметь успешный музыкальный магазин или панк-клуб. Маленькая аудитория и низкие цены на билеты и записи, поддерживаемые панками, — не совсем под-

ходит для развития проекта с большими издержками. Поэтому большинство музыкальных панк-магазинов и клубов недолго живут даже в самых панковских районах.

«Прекрасное сравнение с панк-роком — мир большого бизнеса. Не существует фэнов рок'н'ролла, которые сами вели бы свой музыкальный бизнес, там этим занимаются бизнесмены, которые зарабатывают на этом миллионы баксов. Панк не регулируется коммерческими агентами, менеджерами, продюсерами, акционерами и не продвигается большим бизнесом. Если люди идут в панк, чтобы заработать миллион, им в итоге приходится убираться из панк-рока, потому что они, естественно, не зарабатывают здесь больших денег. Зато тысячи групп, лейблов, зинов и промоутеров приходят в панк, потому что им нравятся музыка, философия, идеи»²⁶¹.

Данные факты не говорят о том, что панк-дела невозможно вести успешно, но это почти невозможно. При поддержке MRR более семи лет назад в Сан-Франциско открылся музыкальный магазин «Epicenter» (Эпицентр). Это огромный магазин, наверное, с самым большим в мире выбором панк-записей и фэнзинов. Он является информационным центром для панков, и не только. «Epicenter» — это место, организованное исключительно добровольцами даже без намека на корыстные цели. Здесь делается акцент на панк-музыку не как на предмет купли-продажи, а как на особую сферу общения»²⁶². Записи в магазине стоят сравнительно недорого, а большое количество добровольцев позволяет магазину быть открытым каждый день. «Epicenter» служит важным примером воплощения слов и мыслей панков в реальное действие. Подобные места постоянно открываются и закрываются по всей стране, причем с такой скоростью, что невозможно проследить за их положением.

Клубы, управляемые панками, гораздо более распространены, хотя их тоже трудно содержать. В качестве примера можно привести клуб «Oilman» (Гилман), также основанный MRR в Беркли, Калифорния. Клуб открыт уже 12 лет, и каждый уик-энд там проходят концерты для всех возрастов. В клубе — уникальная политика членства. Обычно политика членства подразумевает исключительность или дискриминацию — здесь же совсем не так. «Каждый может вступить в клуб, заплатив всего два доллара и дав обязательство быть частью сообщества без насилия и вандализма. Кроме того, внутри не разрешен алкоголь из-за вероятности проблем с полицией»²⁶³.

В этом районе существуют и другие клубы (по сути — бары), где играют панк-группы, но «Oilman» — единственное место, где концерты проходят без ограничения по возрасту и не ради прибыли. Билет на любой концерт стоит не более 6\$, приглашаются играть группы со всех концов страны и мира. Добровольцы, ответственные за проведение концертов, менялись много раз, и многие чувствуют, что их сообщество превращается в просто еще один клуб. Несмотря на то что он потерял большую часть первоначальной атмосферы, «Oilman Street» остается одним из центров, управляемых исключительно панками-добровольцами, — и это уже само по себе достижение. Другие клубы в Англии («The 1 in 12»), Нью-Йорке («ABC No Rio»), Далласе («Slipped Disk») и Харрисбурге («The Core») попытались добиться результатов «Gilman'a», но в меньшем масштабе и с различным уровнем успеха.

Гораздо чаще панки устраивают концерты в арендуемых залах и церквях, не создавая для этого собственный клуб. Проблема здесь состоит в том, что владельцы залов неохотно сдают их в аренду повторно, став свидетелями возмутительного внешнего вида некоторых фэнов и громкой музыки, связанных с панк-кон-